
СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Л. Е. ГРИНИН

ИСЛАМИЗМ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ*

В статье дан анализ исламизма как социально-политического течения, рассмотрены его многочисленные социальные функции, широкая общественная поддержка, глубокие народные корни, объяснены причины его многоликости. Показано, что умеренный исламизм в отличие от радикального стремится интегрироваться в легальное политическое пространство, а потому может быть союзником в борьбе с радикальным исламизмом, так же как и сильные светские политические режимы. Рассматривается история появления исламизма с конца XIX в.: он возник как ответ на западную империалистическую экспансию, разгром Османской империи и отмену османского халифата. Началом организованного исламистского движения стало возникновение «Братьев-мусульман»¹ в Египте в конце 1920-х гг. Показаны основные вехи развития исламизма, причины так называемого Исламского возрождения с конца 1970-х гг. и роста исламского терроризма, а также современное состояние исламизма.

Ключевые слова: ислам, исламизм, радикальный исламизм, умеренный исламизм, Исламское возрождение, история, политическое пространство, политический режим, модернизация.

ВВЕДЕНИЕ

Исламский мир широким поясом охватывает почти всю Афровразию от Атлантического до Тихого океана, глубоко проникая на юг в субсахарскую Африку, на север до среднего течения Волги и захватывая крупнейшее островное государство Индонезия, распро-

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-06-00464).

¹ Деятельность данной террористической организации запрещена на территории РФ. – Прим. ред.

странаясь в бассейнах трех океанов. Нельзя представить себе современный мир без ислама, тем более что число мусульман быстро растет. В настоящее время мусульмане составляют более 20 % мирового населения (1,7 млрд человек), и прогнозируется, что к 2050 г. их число увеличится до 2,76 млрд человек, что составит почти 30 % будущего населения планеты (Десилвер, Мэсилив 2017). Думается, экономическая роль государств исламского мира также возрастет. Отсюда – актуальность изучения исламизма во всех аспектах. Это исключительно важная задача, потому что исламизм – отнюдь не поверхностное явление, он затрагивает коренные аспекты жизни мусульман, это массовое течение, социальная база которого широка и разветвленна. В мусульманском мире почти не осталось стран, где исламизм не превратился бы во влиятельный и устойчивый фактор внутренней и внешней политики. То, что в конце прошлого столетия представлялось частными эпизодами, оказалось одним из главных трендов мировой политики. И приоритетная роль исламизма как фактора мировой политики будет сохраняться еще длительное время.

1. ЧТО ТАКОЕ ИСЛАМИЗМ? РАДИКАЛЬНЫЙ И УМЕРЕННЫЙ ИСЛАМИЗМ

1.1. Ислам и исламизм

Ислам и исламизм – это не синонимы, ставить знак равенства между ними нельзя. Ислам – одна из основных и весьма авторитетных мировых религий, укорененная в мировой истории, включающая атрибуты религиозного культа и опирающаяся на сообщество духовных лиц – знатоков Корана, шариата и других священных текстов. При этом такие служители чаще всего далеки от публичной политики и стараются остаться в рамках чисто традиционной религиозной деятельности. Напротив, исламизм – это сравнительно молодая, созданная на базе популярных религиозных идей и практик *политическая* и социальная идеология, которая призывает распространить исламские законы и традиции на поведение всего общества (всех исламских обществ или даже всего мира). Ее проводниками являются политики, обычно не имеющие духовного образования, политические группы и партии, стремящиеся к власти и влиянию на нее. Служители культа чаще всего не приветствуют исламизм, который есть, по сути дела, исламская реформация.

И сегодня исламские тексты и положения очень часто трактуют и воплощают на практике не духовные лица, а миряне. А это уменьшает значимость исламского духовенства.

Исламизм многим неправомерно представляется как некий нарост на теле исламских обществ. Напротив, как увидим, он во многом отражает суть современных исламских обществ, их образ мысли и жизни.

Исламизм – это массовое и разветвленное движение. Исламизм и исламистские организации выполняют много функций в исламском обществе: помощь бедным, самоорганизация для решения насущных вопросов, наблюдение за нравственностью, организация духовного образования, медицинской помощи и обсуждения религиозных вопросов, волнующих общество, посредничество в доставке денег семьям мигрантов и т. п.; они также дают возможность выдвинуться талантливым людям. Исламисты активно проникают в бизнес, образование, даже в низшие муниципальные органы. Они действуют во многих социальных группах, в их составе – многочисленные представители *низовых слоев общества, а сочувствующих им из числа бедных и нижней страты среднего класса (но также и в других общественных слоях) – еще больше.* В этом во многом заключается их сила.

Таким образом, исламизм не только духовно, но и функционально пронизывает социальную ткань общества. Поэтому даже при сильном светском государстве, запрете исламистских организаций и репрессиях против их активистов его крайне сложно вытеснить из общества. Ведь он опирается на представления, которые понятны абсолютному большинству людей, независимо от уровня их образования, а именно религиозно-культурные и религиозно-политические. В этом еще одно его преимущество перед другими политическими течениями. Будучи низовым движением, исламизм также чаще всего является движением оппозиционным, что придает ему силу, так как критика власти импонирует населению. Исламисты стоят во главе организации борьбы за выполнение конкретных требований и т. п. Следовательно, с этой точки зрения исламисты олицетворяют определенный контроль общества над властью и институтами общества. Они помогают также донести свой протест в мире несправедливости до тех, кто его может услышать. Таким образом, исламизм является широким народным течением.

1.2. Определение исламизма. Многоликий исламизм

Кратко исламизм нередко определяют как «политизированный ислам» или «политический ислам» (см., например: Левин 2014: 4; Игнатенко 2004: 40; Achilov, Sen 2017: 608). Это удобно, но из-за краткости не совсем верно, так как исламизм – это не только политическая, но и социальная идеология, образ жизни и действия. Нередко в определениях упор делается на то, что исламизм – радикальная идеология (см., например: Мирский 2015: 4). Однако нельзя упускать из виду, что исламизм неоднороден, раздираем противоречиями, что едва ли не главными врагами радикальных исламистов являются не секуляристы, а умеренные исламисты (Osman 2016: 260).

Радикальные исламисты стремятся к насильственному распространению социальных практик строгого соблюдения традиций и обычаев ислама, к тотальному контролю над поведением мусульман, к замене светских законов шариатом, а для достижения таких целей готовы к принуждающим и незаконным действиям, включая запугивание людей, терроризм и свержение правительств.

Радикальный исламизм во многом опирается на идейное течение, называемое *салафией* (хотя, конечно, многие салафиты не являются радикалами²). Приверженцы этого течения признают единственной основой веры Коран и Сунну пророка и ратуют за возврат к чистому исламу, который был в ранних исламских общинах в первые века его существования, то есть за возвращение к первоосновам. Вот почему это течение считается фундаменталистским, и само слово *салафия* нередко переводится как «фундаментализм» (или как «следование предкам, предшественникам»)³.

Умеренные исламисты в процессе распространения своих взглядов стараются придерживаться установленных обществом законов, интегрироваться в политическую систему, бороться за

² При этом следует иметь в виду, что салафизм (салафия) – это очень сложное явление, внутри которого есть и группы, отвергающие Сунну или целиком, или частично.

³ Но чаще речь идет не о том, чтобы буквально вернуться в Средневековье, хотя в «Исламском государстве» (запрещено на территории РФ. – *Прим. ред.*) такой возврат попытались осуществить в рамках практики уголовных наказаний.

власть в правовом поле, стремятся уважать право людей на свободу и готовы к заимствованиям с Запада.

Радикальный и террористический исламизм – печальная и жестокая реальность. Он представляет грозную и часто невидимую опасность, жертвой которой может стать каждый. Однако из-за этой угрозы, которую к тому же по естественным причинам весьма преувеличивают, из внимания выпадает тот важнейший факт, что на самом деле *радикальные исламисты составляют очень небольшую часть приверженцев исламизма, что основной исламизм – не радикальный*. И большинство населения не поддерживает радикалов, иначе весь Ближний Восток давно превратился бы в аналог печально известного «Исламского государства». Поэтому крайне важно не упускать из виду, что существует исламизм умеренный, порой даже мягкий, в известной мере демократический.

Важно понимать также, что и в радикальном, и в умеренном исламизме есть масса различных течений и оттенков, поэтому в целом исламизм очень разнообразен и противоречив, реагирует на различные изменения, переменчив в зависимости от ситуации. Кроме того, он имеет множество уровней и проявлений: от вполне респектабельных политических партий и научных диспутов до потока сознания, характерного для некоторых малограмотных или вовсе неграмотных мусульман, от государственного уровня до групп террористов-фанатиков, от умеренных политических движений до ударных отрядов экстремистов. Поэтому более удачными будут следующие формулировки исламизма. *Политическое движение, которое выступает за реорганизацию политической и социальной системы в соответствии с законами, установленными исламом* (Ноорег 2015). «...Исламисты – это те, кто считает, что ислам должен играть важную роль в организации общества с мусульманским большинством, и стремится реализовать это убеждение» (Poljarevic 2015).

Анализируя приведенные выше определения, следует помнить, что в исламском сообществе такие вещи, как «законы, предписанные исламом», или «исламские принципы», могут трактоваться по-разному – и здесь возможны не только радикалистские, но и вполне умеренные интерпретации. Кроме того, настоящие исламисты фак-

тически очень редко стремятся к переустройству всего мира в соответствии с некими исламскими принципами. Значительно чаще речь идет о соответствующей перестройке тех или иных стран с мусульманским большинством. К тому же построение исламского государства (если об этом вообще идет речь) зачастую видится лишь в неопределенно далеком будущем.

У некоторых исследователей есть склонность к тому, чтобы называть исламистами только радикалов, а умеренный исламизм именовать иначе, скажем, «исламским активизмом» (см., например: Царегородцева 2017). С другой стороны, есть те, кто сомневается в существовании умеренных исламистов. По нашему мнению, такие подходы непродуктивны в научном и в практическом отношении. Во-первых, исламизм по самому смыслу слова связан с выдвиганием на первый план значимости ислама и распространением его принципов на разные сферы жизни, но никак не должен обязательно требовать насильственного свержения правящего режима. Во-вторых, есть много случаев радикализации умеренных исламистов (например, часть «Братьев-мусульман» в Египте после военного переворота в июле 2013 г.), и напротив, скажем, радикальные исламисты в Иране ныне стали достаточно умеренными, соблюдая правила демократических выборов. А такая, казалось бы, радикальная исламистская организация, как «Хезболла», в Ливане участвует в выборах, имеет свое представительство в парламенте и, более того, входит в правительственный блок с христианскими и секулярными партиями.

Отдельные авторы пришли к заключению, что так называемый исламский фундаментализм необходимо рассматривать и анализировать не только и даже не столько в религиозном аспекте, сколько сквозь секулярную призму, как «революционную идеологию» (Dennis 1996: i). Некоторые политологи, так сказать, общего профиля стремятся к обобщению и даже упрощению понятия «исламизм», а также рассматривают его через призму внешнеполитических проблем западных стран.

Словом, неверно было бы пытаться считать умеренных исламистов не исламистами, а кем-то другим, но так же неверно было бы смешивать радикалов и умеренных. Несмотря на колоссальные различия в отношении к террору, участию в политической жизни

и т. п., исламистов объединяют некие общие, хотя и размытые, идеологические подходы.

Исходя из изложенного, можно сказать: **исламизм** – это политическое и социальное направление и идеология, широко распространенные в мусульманском мире. Он основывается на идеях высокой ценности и превосходства ислама, его правил и традиций, на необходимости строить жизнь на исполнении (в том или ином объеме) определенным образом понимаемых принципов ислама, а также на том, чтобы, сообразуясь с современными реалиями, политически объединять мусульман, ставя те или иные исламские (или рассматриваемые как таковые) идеи и принципы во главу угла в политической и социальной жизни.

Но поскольку ислам многолик и неоднороден, толкование священных текстов не универсально, а разноречиво, различий среди мусульман по самым разным признакам множество, то исламизм не является и по определению не может быть монолитным течением. Он объединяет в себе широкий спектр политических взглядов: от крайне умеренных и настроенных на сотрудничество с Западом и другими неисламскими цивилизациями до самых радикальных (см.: Grinin *et al.* 2018: Ch. 3, § 6). Такое разнообразие связано не только с огромными различиями в рамках полутора-миллиардного мусульманского населения Земли, разнообразием обществ и положения разных слоев внутри отдельных обществ и т. п. Еще в конце 1960-х гг. была опубликована книга Клиффорда Гирца *Наблюдаемый ислам: религиозное развитие в Марокко и Индонезии* (Geertz 1971), в которой автор весьма наглядно показал значительные различия в этих двух мусульманских странах, расположенных в разных концах исламского мира. И как замечает в этой связи Малкольм Япп, «в исламе наметились настолько глубокие идеологические различия, что непонятно, одна ли это религия с разными взглядами или две религии, имеющие общие черты» (Yapp 2004: 162). Большие различия в исламе в разных местах и в разные периоды связаны и с тем, что исламизм – живое течение, которое меняется вместе с реалиями, даже если со стороны это не всегда заметно (Джанаби 2015: 55).

1.3. Исламизм: исторические аналогии

В известной мере аналогии исламизму можно найти в политизации христианства и его направлений в некоторые периоды и в определенных контекстах. Так, противоречия между протестантами и католиками в Северной Ирландии привели к политизации там этих религиозных сообществ, что вызвало радикализацию уже вполне зрелого североирландского общества в целом. В Западной Германии после войны, когда другие идеологии оказались дискредитированы, умеренная политизация христианства была естественным направлением, в результате чего родились христианско-демократические партии (ХДС и ХСС). В большей мере сходство (по уровню мировоззрения) можно найти с политизацией индуизма, которая активно происходит в Индии (см.: Гринин, Коротаев 2016а)⁴. Но там индуизм становится одновременно и синонимом идентификации индусского национализма, тогда как ситуация с национализмом на Ближнем Востоке совершенно иная.

Однако наиболее продуктивная историческая аналогия будет с Реформацией в Европе в XVI–XVII вв., когда религия воспринималась не просто буквально, а вера была тем важнейшим делом, за которое воевали, отдавали жизни, расправлялись с инакомыслящими, вводили в обществах цензуру и самоцензуру. Здесь уместно вспомнить, что вторая половина XV и начало XVI в. в Европе (в частности, в Германии и Италии) были довольно вольнодумными, появился целый ряд писателей, критикующих церковь, власть и порядки вообще. Конечно, основания для этого имелись. Но с распространением лютеранства и тем более кальвинизма свобода слова была значительно сокращена. Аналогично (разумеется, с существенными оговорками) можно сказать, что в исламском мире вплоть до конца 1970-х гг., а в ряде исламских обществ – и позже, условного «вольнодумства» и свободы в выборе одежды и поведе-

⁴ В какой-то мере это также объясняет тот факт, что уже более столетия Индию (как прежнюю Британскую, так и современную, в основном индуистскую) раздирают конфликты между мусульманами и индуистами. Ведь ислам, как и индуизм, – это не просто религия, а образ жизни (см., например: Полонская 1991; Ключев 2002; Юрлова 2007; Алаев 2008; Белокреницкий 2008).

ния, умалявших мусульманские каноны, было существенно больше, чем сейчас⁵.

Что касается сходства между Реформацией и подъемом исламизма (Исламским возрождением), то Самюэль Хантингтон (2003: 164) верно подметил, что оба эти процесса являются реакцией на стагнацию и коррупцию существующих институтов: они обозначают стремление обществ вернуться к более чистой и требовательной форме своих религий, проповедующих работу, порядок и дисциплину, привлекая на свою сторону современных и динамичных представителей среднего класса. Он делает вывод, что игнорировать влияние Исламского возрождения на Восточное полушарие в конце XX в. – все равно, что игнорировать влияние протестантской Реформации на европейскую политику в конце XVI столетия.

Заканчивая этот сравнительный экскурс, уточним: Исламское возрождение (в некоторых моментах) похоже сразу и на Реформацию, и на Контрреформацию в католической Европе XVII столетия. Контрреформация заключалась в том, что католическая церковь сняла запреты на чтение Библии и других книг, их толкование, активно включилась в развитие образования, а частично и науки (некоторые монастыри вновь стали центрами научных, в том числе исторических, исследований), вынуждена была примириться с целым рядом изменений. В итоге исламизм также существенно способствует (разумеется, на свой лад) развитию образования и культуры в странах с мусульманским большинством.

2. ПОЯВЛЕНИЕ ИСЛАМИСТСКИХ ИДЕЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ

2.1. Причины появления исламизма

Исламизм – сравнительно молодое политическое направление, ему около века, но особенно активно он стал проявлять себя в последние 40 лет, начиная с 1970-х гг. (подробнее см.: Хантингтон 2003; Grinin *et al.* 2018: Ch. 3, § 4.5).

⁵ Начиная с 1970-х гг. исламские символы, верования, традиции, институты, политика и организации находят все большую поддержку в мусульманском мире. Исламизация, как правило, происходит сначала в культурном плане, затем переходит на социальную и политическую сферы. Лидеры-интеллектуалы и политики, нравятся им это или нет, не могут ни игнорировать исламизацию, ни избежать ее принятия в той или иной форме (Хантингтон 2003: 165).

Современный исламизм появился как идеологический и политический ответ на продвижение европейцев на Ближний и Средний Восток, как антиколониальное и антиимпериалистическое направление, которое пытается мобилизовать общество против западного колониализма и империализма. По сути, толчком для появления организованного исламизма стал разгром Турции в Первой мировой войне, а также отпадение и раздел ее исламских, но нетурецких территорий (Трансиордании, Сирии и др.). Особенно существенным для возникновения этого течения оказался момент отмены Кемалем Ататюрком халифата в 1924 г. (Sayyid 1997: 57 *et al.*). Итак, с одной стороны, произошло самое тяжелое поражение ближневосточной исламской империи за всю историю проникновения Запада на Ближний Восток, с другой – была потеряна связь между светской властью и ее сакральным источником, каковое олицетворялось ранее статусом халифа. Если в Аравии эту связь удалось восстановить, то в Турции и на других территориях источником власти становилась светская политическая система (отрицающая права улемов). Все это произвело огромное впечатление на исламских мыслителей⁶.

Соответственно, возросла интенсивность споров относительно политических аспектов ислама (Muddassir Quamar 2017: 259). С учетом того, что борьба с европейцами на идеологической почве имела место в течение многих столетий, аргументы было найти несложно. Идеи Исламского возрождения шли снизу (Osman 2016: 2). Основные концепты исламизма как идеологии были заложены еще в XIX в. в трудах исламских мыслителей-реформаторов, таких как Джамам ад-Дин ал-Афгани (1839–1897), Мухаммад Абдо (1849–1905) и др. Особую роль в выработке исламистской идеологии сыграл (и неслучайно) каирский мусульманский университет Ал-Азхар, который стал лидером образования и религиозной идеологии всего исламского мира (Ланда, Саватеев 2015: 127). Оба указанных

⁶ Расчленение Османской империи, разрыв торгово-экономической и социальной структуры и появление новых наций также вызвали довольно длительный экономический застой. Прежде на Ближнем Востоке существовала разветвленная экономика, и данный регион в этом плане чувствовал себя неплохо. Поэтому часть исследователей дополнительно увязывает феномен исламского терроризма с этими экономическими проблемами.

выше мыслителя были связаны с ним⁷. Также не случайно и то, что практическое воплощение этих идей нашло свое место в Египте. Вместе с тем имелись предтечи исламизма и в других обществах (тем более что такие мыслители часто в течение жизни жили и распространяли свои идеи в разных странах исламского мира).

2.2. Появление исламистских движений и влияние на их появление западных институтов

Таким образом, в описываемое время исламизм начал формироваться как идеология противостояния Западу и возрождения собственной культуры (понимаемой как исламская культура), а также как практическое политическое и организационное средство реализации и популяризации этой задачи и активизации масс. Наиболее успешными на этом поприще оказались движение «Братья-мусульмане» в Египте, организованное в конце 1920-х гг., и Всеиндийская мусульманская лига в Британской Индии и затем уже в независимом Пакистане, основанная 30 декабря 1906 г. в Дакке для защиты в Индии прав мусульманского меньшинства от диктата индуистского большинства⁸. Активность Лиги особенно возросла, когда ее президентом в 1928 г. стал Мухаммед Али Джинна. Через некоторое время Всеиндийская мусульманская лига стала добиваться создания отдельного государства для мусульман (см., например: Jalal 1994; Khan 2007; Wolpert 2013). Но чаще всего начало исламистского движения связывают все-таки с образованием «Братьев-мусульман» в Египте в 1928 г. Во главе этой организации стоял известный богослов и ученый Хасан ал-Банна (см., например: Husaini 1956; Mitchell 1993; Lia 2006; Muga 2012). (О первых десятилетиях «Братьев-мусульман» см.: Царегородцева 2017; Osman 2016; Grinin *et al.* 2018: Ch. 3, § 3.4.)

Стоит отметить некоторые важные черты, проявившиеся уже в момент возникновения исламизма, дополнительно объясняющие его неоднородность и определенную противоречивость.

⁷ Джамал ад-Дин ал-Афгани, кроме того, создал в Египте тайное общество с революционными целями (Keddie 1972).

⁸ Напомним, что в Британскую Индию входили ныне самостоятельные Пакистан и Бангладеш, но и на территории современной Индии жило много мусульман.

Исламизм был не только реакцией на влияние Запада, но и результатом западной модернизации, которая к этому времени уже охватила ряд исламских стран. В этой связи важно отметить одну особенность, о которой практически не говорят, а именно то, что современный исламизм как массовое движение возник в первую очередь в странах, в которых в том или ином виде существовали демократия, выборы и система политических партий. По сути, в абсолютных монархиях современный исламизм как политизированный ислам был не нужен либо нужен не сам по себе, а как оружие в руках светской власти. В обществе, где нет электората и конкуренции за него, также не нужен низовой политический ислам. Иное дело там, где низы или какие-либо слои общества уже имеют право голоса в политике, тогда роль политического ислама становится весьма заметной. Неудивительно, что вафдисты (то есть члены «Вафд» – наиболее влиятельной египетской политической партии того времени) стали вовлекать в политическую борьбу «Братьев-мусульман» уже в 1930-е гг., пытаясь получить их поддержку (Goldschmidt 2004: 191; Osman 2016: 4). Мусульманская лига также играла важную роль в выборах. Выборы в меджлис, так или иначе, имели место и в шахском Иране начиная с Конституционной революции 1906–1911 гг. Демократия, политические партии, выборы – это все западные институты, которые прямо или косвенно продвигались Западом на Восток⁹. И там, где они устанавливались, в конечном счете мог усиливаться низовой исламизм. В авторитарных режимах неучастие в выборах сокращало влияние исламистов. Иными словами, исламизм, конечно, не родился в результате демократии, но активное внедрение или расширение последней могло существенно его усилить. В уже цитируемой ранее книге *Islamism, Arab Spring and Democracy* (Grinin *et al.* 2018: Ch. 3, § 4) приводятся многочисленные примеры того, как Запад сам мог усиливать исламизм, с одной стороны, внедряя демократию, с другой – разрушая авторитарные режимы и даже помогая исламистам напрямую¹⁰.

⁹ Англия и Франция внедряли демократические органы и выборы на Ближнем Востоке и после получения там мандатов от Лиги Наций (в частности, в Транс-иордании и Сирии).

¹⁰ Новейший пример – распространение демократических институтов и практик в некоторых арабских странах в последние десятилетия, открывшее исламистам доступ к власти в ходе «арабской весны».

Таким образом, исламизм косвенно появился в результате продвижения западных институтов на Ближний Восток. И хотя исламисты могут не подозревать об этом, само отношение к данным институтам, Западу, прогрессу и многому другому выявляет среди исламистов существенно разные направления. «Несмотря на реакционность своих намерений, ислам импортирует не просто современные, но западные идеи и институты», – отмечает Дэниел Пайпс и добавляет: «Фундаменталисты европеизированы. Исламисты помимо своей воли являются сторонниками Запада. Даже в отрицании Запада они все равно его принимают» (Pipes 1995).

Естественно, что с 1920-х гг. исламизм прошел сложный путь. Можно считать, что современный политический ислам как идеология возник примерно в середине XX в., явившись итогом длительной социокультурной, политической и духовной эволюции исламского мира (Ланда, Саватеев 2015: 129). О причинах возникновения современного исламизма имеются разные суждения, иногда противоречащие друг другу (см., например: Roy 1994: 339). Иногда это связывают с развитием слоев, сформированных в итоге модернизации мусульманских обществ, то есть интеллигенции, студенчества, служащих, буржуазии, иногда – с реакцией традиционных социально-экономических слоев, затронутых модернизацией и испытывающих дискомфорт. По-видимому, оба мнения частично верны, так как общая причина роста влияния исламизма, несомненно, связана с тем или иным воздействием процессов модернизации, проявляющихся по-разному в разных сообществах и в разных общественных стратах (см. также: Хантингтон 2003: 138–147).

3. ВЕХИ РАЗВИТИЯ ИСЛАМИЗМА И ПРИЧИНЫ ЕГО УКРЕПЛЕНИЯ

Исламизм, несмотря на то что его приверженцы, образно говоря, смотрят назад, в прошлое, в то же время достаточно чутко реагирует на изменения в обществе, исламском мире и на планете в целом. Поэтому исламизм и исламисты, сохраняя преемственность, тем не менее со временем заметно меняются. Рассмотрим основные вехи развития исламизма.

3.1. Исламизм в 1920–1960-е гг.

Подъем исламского самосознания в 1920-е гг. Первые десятилетия деятельности «Братьев-мусульман». Итак, в 1920-е гг. в Индии, Египте и ряде других обществ наблюдался подъем исламского самосознания, но для нас особенно важен факт организации в 1928 г. в Египте движения «Братья-мусульмане» во главе с Хасаном ал-Банной. В первый период организация под его руководством являлась прежде всего просветительской и миссионерской, это был своего рода просветительский клуб (Lia 2006; Muga 2012; Царегородцева 2017). Цели «Братьев-мусульман» были грандиозными – они стремились, по сути, переустроить исламский мир (Osman 2016: 3). За сравнительно короткий срок организация достигла огромной численности, по разным данным, от 128 тыс. до 450 тыс. человек в 1940-е гг. Соответственно, увеличение количества участников заставило ал-Банну заняться ее структурированием и ввести практику взносов (он был хорошим организатором; см.: Husaini 1956; Царегородцева 2017). Стремительный рост численности организации привел к тому, что она уже в 1930–1940-е гг. оказалась втянутой в политическую жизнь Египта (даже король приветствовал их; см.: Osman 2016: 4). Но уже в этот период прослеживаются их активные действия в области низовой самоорганизации (строительство мечетей, медресе, клубов, других важных учреждений; см.: Muga 2012; Царегородцева 2017). Таким образом, 1920–1940-е годы были важным этапом становления исламизма снизу и как идеологии, и как организационной деятельности, и как структуры, включая создание боевых групп и органов, а также распространение «Братьев-мусульман» к концу 1940-х гг. за пределы Египта – в Иорданию, Сирию и Ирак (Osman 2016: 4). Но значение исламизма в целом было еще небольшим. Поэтому, характеризуя описываемый и последующие периоды, вплоть до сегодняшних дней, когда с вершины власти «Братья-мусульмане» ушли в глубокое подполье в Египте, будет верным сказать, что в период их деятельности «в политической и социальной обстановке в Египте произошли многочисленные изменения, что отразилось на работе и принципах организации движения» (Linjakumri 2008: 60).

Образование независимых исламских и арабских государств в 1940–1960-е гг. Укрепление светских режимов. В этот период в связи с революциями, возникновением новых режимов, появлением светских националистических лидеров, подобных Г. Насеру, многочисленными переворотами, установлениями личной диктатуры, вхождением в военные блоки и многими другими поворотами в политике исламизм не играл слишком большой роли. Как уже было сказано выше, в арабском мире он был отодвинут на задний план идеологией арабского (панарабского) национализма (Khalidi 1991; Tibi 1997; Goldschmidt 2004: 116; Dawisha 2016). Но при этом некоторые идеологи нового государственного строительства, например Мишель Афляк (создатель арабской партии Баас), призывали относиться к религиозному фактору очень осторожно.

Однако светские лидеры чувствовали в исламизме большую угрозу для себя. И поэтому в большинстве стран исламистские организации были фактически запрещены, а многие их руководители (в частности, Сейид Кутб) посажены в тюрьмы (см., например: Goldschmidt 2004: 116; Calvert 2010). Это обозначило довольно резкий перелом, укрепивший среди исламистов идеологию борьбы со светскими режимами. Разумеется, кроме «Братьев-мусульман» в Египте, были и другие исламистские организации, в том числе более радикальные (см., например: Goldschmidt 2004: 181), которые были впоследствии ответственны за покушения на Г. Насера и А. Садата. С запретом в Египте «Братья-мусульмане» стали распространять свою деятельность на целый ряд других исламских стран, но в них имелись и собственные исламистские организации. Везде в это (и более раннее) время появлялось много салафитских групп и организаций, и они в качестве низовых и оппозиционных укреплялись идеологически и политически. В это время на политической арене соперничали другие идеологии (светский арабский национализм, социализм, либерализм, западничество и т. д.). При этом даже казалось, что время расцвета ислама уходит и его влияние на развитие общества скоро пойдет на убыль. Однако впереди всех ждало Исламское возрождение.

Как отмечают исследователи (Левин 2014; Мирский 2015; Osman 2016 и др.), особую роль в развитии исламизма сыграло противостояние арабских государств (и палестинцев) с Израилем.

3.2. Победы исламизма в 1970–1980-е гг.

Образование ОПЕК и подъем цен на нефть в 1973–1979 гг.

Начало подъема цен, как известно, связано с Октябрьской войной 1973 г. Подъем цен вызвал шок и кризис в западных государствах. Пожалуй, впервые в Новой истории развивающиеся страны смогли экономически переиграть развитые (см.: Коротаев, Гринин 2016а; 2017; Grinin, Korotaev 2015). Также появились мощные финансовые средства как для независимого от Запада развития, так и для финансирования исламистских организаций. Взрывной рост цен на нефть изменил как взаимоотношения между арабскими странами, повысив роль крупных экспортеров нефти, так и отношение к Западу со стороны некоторых из числа последних. Это обусловило заметный перелом в исламском мировоззрении. Кроме того, активизация политики США на Ближнем Востоке, а также разочарование в социалистическом пути развития привели к тому, что некоторые государства, в том числе Египет, попали в зависимость от США именно в эти годы. Все эти процессы способствовали значительному усилению исламизма как в этой стране, так и в других арабских и исламских обществах.

Победа исламской революции в Иране 1979 г. и рождение идеи ее экспорта также стали вехами в развитии исламизма. Чрезвычайно мощным толчком для укрепления уверенности в силе исламизма стал вызов, брошенный иранскими исламистами Соединенным Штатам Америки. Впрочем, значение исламской революции в Иране в глобальном подъеме исламизма ни в коем случае не следует переоценивать. Шиитский характер этой революции (шииты преобладают в Иране) сделал неприемлемыми ее идеи для подавляющего большинства мусульман мира – суннитов. Шииты на 2011 г. составляли лишь 10 % от всех мусульман (Pew Research Center 2011). Вместе с тем иранская революция способствовала активизации США в борьбе с исламизмом, в частности, для усиления поддержки ими диктаторов вроде Саддама Хусейна и подталкивания его к войне с Ираном.

Афганский кейс. В 1979 г. СССР вторгся в Афганистан. Это вызвало подъем исламского «патриотизма» и, соответственно, рост влияния исламизма (см., например: Kerel 2000). Афганским моджахедам была оказана огромная помощь со стороны США (в во-

Образование независимых исламских и арабских государств в 1940–1960-е гг. Укрепление светских режимов. В этот период в связи с революциями, возникновением новых режимов, появлением светских националистических лидеров, подобных Г. Насеру, многочисленными переворотами, установлениями личной диктатуры, вхождением в военные блоки и многими другими поворотами в политике исламизм не играл слишком большой роли. Как уже было сказано выше, в арабском мире он был отодвинут на задний план идеологией арабского (панарабского) национализма (Khalidi 1991; Tibi 1997; Goldschmidt 2004: 116; Dawisha 2016). Но при этом некоторые идеологи нового государственного строительства, например Мишель Афляк (создатель арабской партии Баас), призывали относиться к религиозному фактору очень осторожно.

Однако светские лидеры чувствовали в исламизме большую угрозу для себя. И поэтому в большинстве стран исламистские организации были фактически запрещены, а многие их руководители (в частности, Сейид Кутб) посажены в тюрьмы (см., например: Goldschmidt 2004: 116; Calvert 2010). Это обозначило довольно резкий перелом, укрепивший среди исламистов идеологию борьбы со светскими режимами. Разумеется, кроме «Братьев-мусульман» в Египте, были и другие исламистские организации, в том числе более радикальные (см., например: Goldschmidt 2004: 181), которые были впоследствии ответственны за покушения на Г. Насера и А. Садата. В связи с запретом их организации в Египте «Братья-мусульмане» стали распространять свою деятельность на целый ряд других исламских стран, но в них имелись и собственные исламистские организации. Везде в это (и более раннее) время появлялось много салафитских групп и организаций, и они в качестве низовых и оппозиционных укреплялись идеологически и политически. В это время на политической арене соперничали другие идеологии (светский арабский национализм, социализм, либерализм, западничество и т. д.). При этом даже казалось, что время расцвета ислама уходит и его влияние на развитие общества скоро пойдет на убыль. Однако впереди всех ждало Исламское возрождение.

Как отмечают исследователи (Левин 2014; Мирский 2015; Osman 2016 и др.), особую роль в развитии исламизма сыграло противостояние арабских государств (и палестинцев) с Израилем.

что в некоторых аспектах жизнь поворачивает вспять. Наблюдалось повышенное внимание к соблюдению религиозных обрядов (посещение мечети, молитва, пост), активно распространялись религиозные программы и публикации, возрождался мистицизм (суфизм), увеличивалось число исламских школ, происходила исламизация учебных программ в государственных школах. По словам С. Хантингтона, в большинстве стран центральным элементом исламизации было развитие исламских общественных организаций и захват ранее существовавших организаций исламскими группами (Хантингтон 2003: 165). Правительства разных исламских стран задумались о том, как использовать это широкое движение в собственных целях.

Но, разумеется, такое попятное движение затронуло только определенные аспекты жизни. В то же время в некоторых отношениях развитие ускорилося. Это, в частности, касалось роста уровня образования, в том числе и у женщин. Никогда еще на Ближнем Востоке не было такого количества студентов и студенток. Рост экономики и уровня культуры привел к тому, что уже в 1990-е гг. произошло определенное укрепление умеренного исламизма, начался сдвиг в сторону активного участия в политической жизни и, соответственно, признания политического плюрализма и важности демократии (Osman 2016). Но такое признание у исламистов, конечно, было зачастую неполным и непрочным, способным обратиться вспять. А у многих отторжение официальной жизни было весьма устойчивым. Потому в эти годы и произошел мощный рост радикального исламизма.

1990-е гг. и рост радикализма. Девяностые годы прошлого века для роста исламизма были важными и благоприятными по ряду обстоятельств. Во-первых, распался СССР и произошла экспансия исламизма, который начал быстро заполнять идеологическую нишу на исламских территориях бывшего СССР и России, освободившуюся после краха коммунизма. Во-вторых, поднялись исламские движения на Балканах (в Боснии, Албании, Косово). В-третьих, быстро росли исламские общины в Европе. В-четвертых, подъем чеченского сепаратизма и временная победа чеченцев в войне с Россией будто подтверждали возможность победы над сверхдержавой, каковой все еще считали Россию (при этом она быстро теряла

прежний статус). Эту борьбу против РФ активно спонсировали и поддерживали не только мусульманские страны (как, например, Саудовская Аравия), но и западные государства.

Наконец, надо отметить, что уже с конца 1970-х гг. (но особенно в 1990-е гг.) США часто использовали исламизм в качестве геополитического оружия для достижения своих целей. Очень активно американцы поддерживали мусульман и, соответственно, исламистов как их идеологов в Южной Европе, на Балканах, в бывшей Югославии. Особенно печальные итоги имела ситуация в Косово, которое, по мнению обозревателей, стало отвратительной наркомафиозной аферой под видом государства (Escobar 2017). В крупнейшего экспортера наркотиков превратился и оккупируемый Соединенными Штатами Америки Афганистан. Одновременно США и их западноевропейские союзники поддерживали чеченских террористов и придавали им международную респектабельность.

Джихад против Америки. Террористические акты 11 сентября 2001 г. – новая веха роста исламизма, по сути, открытое объявление войны США. Джихад Америке, впрочем, был объявлен еще раньше – в 1996 г. Возможно, именно временная победа Чечни и вдохновила Усаму бен Ладена на это. Вернувшись в Афганистан после долгого отсутствия, в августе 1996 г. в Джелалабаде он объявил джихад Америке. Отправленный по факсу во многие арабские газеты текст назывался «Декларация джихада против американцев, оккупирующих страну двух святых мечетей» (то есть Саудовскую Аравию). В качестве причины «объявления войны» «Аль-Каида» обозначила американскую внешнюю политику, в результате которой страдают и гибнут мусульмане на Ближнем Востоке: Соединенные Штаты повсюду воюют против мусульман и поддерживают тех, кто ведет против них войну (подробно об этом см.: Мирский 2015; Scheuer 2004; 2008; 2011). Это был призыв «смыть несправедливость, совершенную по отношению к мусульманской нации коалицией иудеев и крестоносцев» (цит. по: Мирский 2015: 8).

План бен Ладена начать открытую борьбу с США и тем самым спровоцировать их на вторжение в исламские страны, по сути, сработал. Естественно, что пропаганда радикального исламизма многократно усилилась, а мусульмане еще больше сплотились против Запада, хотя и далеко не в такой степени, как рассчитывал бен Ладен.

Поход США против терроризма. Американское вторжение в Афганистан (2001 г.) и Ирак (2003 г.); рост радикального исламизма. Акция 11 сентября потрясла не только американское общество, но и весь мир и в итоге привела к американскому вторжению в Афганистан. При этом на первых порах победа над талибами казалась легкой. Но затем война стала бесконечной и бесперспективной.

В 2003 г. США вторглись в Ирак и быстро свергли режим Саддама Хусейна. Вся эта операция, базировавшаяся как на надуманном поводе, так и на неверном анализе последствий, привела к началу дестабилизации Ближнего Востока, результаты чего ощущаются и сегодня. Ниже мы скажем о том, что одним из факторов, способствующих росту радикального исламизма, является разрушение прочных режимов, в основном авторитарных в странах Ближнего Востока. Подобные потрясения особо опасны в таких многоконфессиональных и полиэтничных обществах, как Ирак (и тем более в таких, как Сирия). Результатом коллапса иракского государства стали вакуум власти, изменение соотношения во власти шиитов и суннитов, подъем курдского национального движения и, что особенно важно для нашей темы, возникновение на базе филиала «Аль-Каиды» движения, которое позже стало называться «Исламским государством» (ИГИЛ или ИГ). Как пишет Э. Йылдызоглу (2014), ИГИЛ сформировалось как результат двух трендов, порожденных фиаско имперской политики США. Первый из них – шиито-суннитский конфликт, вспыхнувший в тот момент, когда США оказались не в силах подавить сопротивление в Ираке (американцы не смогли совладать с религиозно-этнической враждой, вышедшей из-под контроля в результате свержения Саддама Хусейна и провокации со стороны самих Соединенных Штатов). Второй – вакуум власти и отдельные неуправляемые территории, которые стали возникать в Северной Африке, на Ближнем Востоке (в Ливии, Сирии, Сомали, Мали) в результате арабских восстаний (об ИГИЛ см.: Гринин и др. 2016: Гл. 5).

3.4. «Арабская весна»

«Арабская весна», свержение устойчивых режимов, подъем исламизма радикального толка в 2010–2017 гг. Очевидно, что сдерживающей исламизм уздой способна выступать прежде всего

сильная светская власть. А в настоящее время сильная власть на Ближнем Востоке – это авторитарная власть. Между тем сильные светские правители были не по нраву США и их союзнику – Саудовской Аравии. В итоге свержение таковых в Ливии, Египте, Йемене, а также попытка свержения власти в Сирии только усилили разгул исламизма, причем в его самых грубых и жестоких формах экстремистского и радикального исламизма, синонимом которого становится терроризм. В результате возникли анклавные воинствующего и террористического исламизма, прежде всего «Исламское государство в Восточной Сирии и Западном Ираке»¹², а также и другие, объявляющие себя его отделениями или сторонниками, например, «Аш-Шабааб»¹² в Сомали и «Боко харам»¹² в северной Нигерии. Серии чудовищных террористических актов в Европе, Африке, Азии всем хорошо известны. Известно также, что возникший хаос на Ближнем Востоке и разгул терроризма стали толчком для массового переселения мигрантов в Европу, которое, в свою очередь, расширило территориальную базу экстремистского и террористического крыла исламизма.

Таким образом, можно сделать важный вывод. Хотя радикальное и террористическое крыло в исламизме с его учением о джихаде имеет крепкие идеологические корни в самом исламе, а также довольно прочную социальную и политическую базу, несомненно, что США, которые объявили себя главным борцом с терроризмом, внесли существенный вклад в его распространение. Свержение сильных светских режимов, попытки использовать исламистских экстремистов в своих политических и геополитических целях, а равно придание им респектабельности, как и многое другое, способствовали усилению терроризма, усовершенствованию его организационной и финансовой базы, профессионализма и т. д. Иными словами, США несут большую долю ответственности за распространение и укрепление радикального исламизма.

События «арабской весны» описаны нами в других работах (Гринин и др. 2016; Grinin *et al.* 2018). Но в рамках темы этой статьи важно отметить, что в развитии исламизма за этот короткий

¹² Деятельность данной террористической организации запрещена на территории РФ. – *Прим. ред.*

отрезок можно проследить несколько этапов. Первый этап – это втягивание исламистов в революционные события, которые были инициированы в основном светскими силами (молодежными, студенческими, сетевыми организациями и т. п.). Второй этап – приход исламистов к власти демократическим путем. Отметим, что этот успех был не случаен: не только из-за сформировавшейся к этому времени широкой и мощной социальной базы исламистов, но и из-за того, что исламизм заметно эволюционировал в предшествующие десятилетия, постепенно переходя на респектабельный путь политической борьбы. Движение исламистов в 1990–2000-е гг. стало готово к вхождению в современную политическую систему, к преимущественному переносу своей активности скорее в сферу национальной политики, нежели политики религиозной (Osman 2016: 243).

В 2013 г., однако, исламисты потеряли власть (в Тунисе – в результате выборов, в Египте – вследствие военного переворота). Это вызвало изменение настроений в их среде. Т. Осман пишет (*Ibid.*: 243–244), что отстранение исламистов от власти в 2013 г. привело к тому, что они свернули с респектабельного пути политической борьбы, возвратившись к подпольному и террористическому. В данный момент в некоторых странах (в особенности в Египте) идет противостояние исламистов и светских сил, часто перерастающее в настоящие военные действия. Ситуация в Тунисе выглядит более спокойной, поскольку умеренные исламисты там остаются пока на пути легальной политической борьбы.

В целом можно сделать вывод: исламизм текуч, меняет свои очертания и при осложнениях имеет тенденцию к радикализации; соответственно, крайне важно сделать исламизм более умеренным и респектабельным. Это очень сложная задача. Необходимо создать условия, при которых исламизм примет более умеренный характер.

4. ПРИЧИНЫ ПОДЪЕМА И УКРЕПЛЕНИЯ ИСЛАМИЗМА

Загадка Исламского возрождения. Исламское возрождение и подъем исламизма в мусульманских странах в 1970–1990-е гг. были и остаются своего рода загадкой для внешнего наблюдателя. Внутри- и внешнеполитические обстоятельства, казалось бы, ему

не благоприятствовали. Государственная власть в то время находилась в руках сильных светских политиков, делавших многое, чтобы воспрепятствовать влиянию исламистов. В том же направлении активно действовали как социалистические страны, поощряющие развитие «арабской модели социализма», так и страны Запада, стремящиеся насадить в арабском мире идеалы демократии и либерализма. На многие вопросы, связанные с феноменом этого возрождения, несмотря на самые разнообразные мнения, убедительных ответов в литературе до сих пор нет.

Тем не менее попробуем суммировать те его причины, которые очевидны на данный момент. Это, во-первых, особенности ислама как религии; во-вторых, возникновение идеологического вакуума в результате упадка арабского национализма, а также левых и либеральных идеологий; в-третьих, социально-демографические причины; в-четвертых, особая форма модернизации и результат борьбы разных тенденций; наконец, в-пятых, нефтяное богатство.

Особенности ислама как религии. Ислам практически с самого начала стал политической религией. Именно ислам смог объединить разрозненные и враждующие арабские племена и направить их энергию на завоевание многих стран. Нельзя не упомянуть и об особенностях положения этой религии в жизни исламских стран. В исламе не было идеи (по меньшей мере она не была столь четкой), аналогичной христианской – «богу богово, а кесарю – кесарево» (Мф. 22:21). При этом в отношении права, образования и ряда других институтов ислам выступал даже ограничителем власти монарха. Такое двоевластие политической и духовной жизни в истории исламских стран наблюдалось нередко. Поэтому утверждение первенства политической власти над духовной организацией никогда не доходило до конца. Следует сказать и об особенностях исламской религиозной жизни, в частности, о ее демократичности, отсутствии церковной иерархии, народности ислама.

Таким образом, в условиях всеобщего и де-факто канонического убеждения, что религиозная составляющая жизни в принципе выше государственной, а также сильного интереса к политическому аспекту жизни в самом исламе, поворот к исламизму имел под собой крепкую основу.

Возникновение идеологического вакуума. Отметим слабость государственности и национализма как противовеса исламу в арабском мире (что стало явным по крайней мере с 1970-х гг.) (см.: Гринин, Коротаев 2016а: гл. 3; Кузнецов, Салем 2016: 75–77). *Исламизм обрел силу в арабских странах еще и потому, что он до некоторой степени стал политической альтернативой национализму.* К началу 1970-х гг. влияние идеологии арабского национализма значительно ослабело, что немало способствовало подъему в арабском мире исламизма. Об этом уже отчасти шла речь выше. Но почему подъем исламизма пришелся именно на указанный период? В 1980–1990-е гг. секуляристский идеологический вакуум в исламском мире усилился. К этому времени привлекательность западных идеологий и социализма существенно уменьшилась – все это обеспечило возможности для быстрого распространения исламизма.

Социально-демографические причины были связаны, во-первых, с увеличением доли молодежи (в связи с падением младенческой и детской смертности) (см., например: Коротаев, Гринин и др. 2011; подробнее о причинах см.: Гринин 2012; 2016; Гринин и др. 2016); во-вторых, с ростом городского населения (в развивающихся странах за 1950–1992 гг. оно увеличилось почти в 5 раз) (Левин 2014: 17; UN Population Division 2017); и в-третьих, с распространением протеста в его рядах. Именно молодежь составила огромную массу поддерживающих исламизм и его активистов. Также подъему исламизма способствовало повышение уровня образования (см. ниже), а подъему терроризма – рост влияния СМИ.

Особая форма модернизации и результат борьбы разных тенденций. О том, что Исламское возрождение и рост влияния исламизма стали особым путем к модернизации, говорили многие исследователи (см., например: Левин 2014; Хантингтон 2003; Osman 2016 и др.). Безусловно, процессы модернизации должны были так или иначе отразиться на ситуации в арабских странах. Но почему ответ стал именно таким? Почему светская модернизация в большинстве арабских стран стала сдавать свои позиции (хотя в Египте, например, она продолжалась)? По-видимому, здесь сказались следующие факторы. Сама по себе модернизация ведет к зна-

чительным диспропорциям в обществе и нарастанию в нем социального напряжения. При этом в социуме возникают разные тенденции, связанные с выбором формы модернизации (см.: Гринин 2017; Гринин, Коротаев 2016б). Эти тенденции имеют свою опору в различных социально-политических силах в обществе. Поскольку модернизация обычно связана с заимствованием, то имеются довольно мощные силы в лице политического класса и части образованных людей, стремящихся совершить ее по лекалам западных обществ. С другой стороны, народные массы, испытывающие дискомфорт в результате модернизации и одновременно более консервативные, а также менее доверчивые к политическому курсу правительств, склоняются к более понятным им идеям.

Если вспомнить Русскую революцию, то в ней можно наблюдать те же тенденции: западную, и особенно связанную с идеей частной собственности на землю, и народно-социалистическую, которая шла по пути социализации земли и выведения ее из частной собственности. В итоге, несмотря на то что российские правительства в течение долгого времени стремились модернизировать общество по западным образцам, неожиданно победила вторая тенденция. Она и привела к созданию в России (СССР) невиданного доселе общества. Это также долгое время было загадкой (и сегодня является предметом острых дискуссий). Несомненно, социализм стал альтернативой западной модернизации.

Точно так же и в исламских странах имелись разные тенденции модернизации, но в итоге неожиданно возобладала исламистская, и прежде всего потому, что она имела огромную поддержку населения. Такая «народная» тенденция может возобладать преимущественно в тех обществах, в которых неприятие западной идеологии имеет прочные корни (и православие, и ислам создавали прочные предпосылки такого неприятия).

К этому следует добавить и причину, о которой говорят реже, – рост образованности в исламских странах. В 1970–1990-е гг. ее уровень дошел до такой отметки, когда стало довольно много образованных людей, но еще больше оставалось малограмотных и даже совершенно неграмотных. Распространение образования создавало благоприятный социальный фон для религиозной реформации: большое количество верующих людей перестает пассивно слушать

проповеди официальных служителей культа, пытается самостоятельно читать и толковать священные тексты. При этом люди начинают обращать внимание на расхождения между тем, что там написано, и реальностью, что ведет к изменению их сознания и поведения. Увеличение количества студентов также способствовало подъему исламизма. В дореволюционной России в отношении образования была схожая ситуация: наряду со значимым количеством европейски образованных людей многие были полуграмотными, а огромное число – вовсе неграмотными. Но среди молодежи людей с начальным уровнем образования было большинство.

Рост богатства нефтедобывающих стран. Исторические случаи играют очень важную роль при определении исхода борьбы за выбор пути развития общества. Наиболее важной причиной, которая позволила исламизму стать столь сильным, по нашему мнению, является скачок нефтяных цен, который способствовал росту скорее исламистских, нежели демократических тенденций в мусульманском мире (Хантингтон 2003: 167). Как ни странно, именно об этой причине пишут реже, чем о других. Повышение цен на нефть имело многочисленные последствия. Во-первых, у нефтедобывающих стран ослабело желание осуществить модернизацию по западной схеме, и там сочли, что, имея деньги, можно решить все проблемы. Во-вторых, это словно идеологически подкрепляло исламизм – именно Аллах мог подарить правоверным такую благодать. В-третьих, часть этих денег доставалась и не имеющим нефти странам через различные каналы, что усиливало ориентир не на западные страны, а на не самые развитые арабские. В-четвертых, часть денег пошла на поддержку борьбы против Израиля (и против СССР в Афганистане), что вызывало распространение радикального исламизма и терроризма, в частности, среди палестинцев и афганцев. В-пятых, усилению исламистских настроений в 1970-е гг. способствовало резкое увеличение потока трудовых мигрантов из исламских стран в нефтяные исламистские аравийские монархии. Увиденное там экономическое процветание в сочетании с исламистскими порядками порождало у многих уверенность в том, что установление подобных порядков и у себя дома должно привести их страны к такому же процветанию. В-шестых, резкий рост объема финансовых ресурсов, оказавшихся в руках исламистских монархий

(и прежде всего Саудовской Аравии), позволил им значительно увеличить финансирование и усилить целенаправленную деятельность по распространению исламизма в мире.

В 70–80-е гг. XX в. Саудовская Аравия была важнейшей силой ислама. По некоторым данным, она через каналы своих благотворительных фондов израсходовала за 1980–1990-е гг. примерно 70 млрд долларов на строительство подконтрольных ваххабитам мечетей, медресе, исламских центров, а также на поддержку и обучение радикальных воинствующих исламистов (включая создание тренировочных лагерей, закупки оружия, рекрутирование наемников) примерно в 20 странах мира (см.: Kaplan 2003; см. также: Pipes 2003; Игнатенко 2009: 177–178).

Геополитические причины. Совокупной же причиной подъема исламизма следует назвать геополитическое положение Ближневосточного региона, во-первых, как нефтеносного, а во-вторых – как арены столкновения социализма и капитализма, СССР и США; при этом близость региона к границам СССР усиливала желание Соединенных Штатов господствовать в нем; в-третьих – в связи с арабо-израильским противостоянием. В итоге, как мы уже говорили, США для достижения своих внешнеполитических целей активно использовали исламизм, пестовали и вооружали его (в частности, в Афганистане), а также разжигали войны между исламскими странами (например, между Ираком и Ираном), что косвенно также способствовало усилению антиамериканизма, антизападничества и радикализма. Кроме того, очень важной причиной роста радикализма было вмешательство США и западных стран в жизнь исламских обществ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, при анализе ситуации в мусульманском мире, при попытке разобраться в сущности исламизма и спрогнозировать его будущее необходимо учитывать: а) глубинные корни и массовую основу исламизма; б) крайне неоднородный характер исламизма; в) то, что в ряде стран (Марокко, Турция, Малайзия и др.) умеренные исламисты вполне вписались в политическую систему. До тех пор, пока мусульманское сообщество сохраняет многочисленные черты традиционного или квазитрадиционного, ислам оста-

ется одним из главных регуляторов отношений между людьми, а также между государством и обществом. Поэтому, в частности, сохраняется заинтересованность в нем как в инструменте политической мобилизации, что характерно практически для всех партий и движений в исламском мире, включая те, что борются за демократию. Исламизм, по сути, выступает в роли своего рода выразителя народных чаяний мусульманского общества, их стремления сохранить значимость исламских институтов и обычаев в своей жизни. Как долго мусульманское сообщество будет пребывать в состоянии перехода от традиционных институтов и социальных практик к современным, предсказать не возьмется никто, тем более с учетом опыта «арабской весны» (Малашенко 2015: 120–121).

Надеемся, в результате проведенного анализа нам удалось показать, что разнообразные метаморфозы исламизма как весьма значимого явления современного мира затрагивают интересы миллиардов людей всех стран, религий и убеждений. В заключение мы хотели бы еще раз сделать акцент на необходимости ясного различения радикального и умеренного исламизма, при этом последний может стать позитивным и перспективным крылом политической системы исламских стран. Мы полагаем, что уменьшить опасность радикального, террористического исламизма одной только силовой борьбой с ним невозможно. Можно надеяться, что эта глобальная угроза пойдет на убыль в случае, если удастся отделить от него умеренный исламизм и сделать последний более респектабельным, открытым, вовлеченным в нормальную политическую жизнь.

С другой стороны, всякого рода вмешательство в деятельность государства, свержение политических режимов, падение государственного порядка – все это способствует резкому росту радикализма, экстремизма и терроризма. Вторжение в Афганистан привело к тому, что это государство стало гнездом радикализма и террора (не говоря уже о наркоторговле), и в конечном счете там возникла «Аль-Каида». Интервенция в Ирак в итоге вывела терроризм в этой стране на невиданный уровень, а вмешательство в дела Сирии вместе с уходом американцев из Ирака открыло двери для ИГ. Разгул исламистского террора наблюдается и в лишенной устойчивой власти Ливии. Таким образом, очевидно, что путь военной интервенции только разжигает радикализм.

Поэтому естественными союзниками против радикального исламизма выступали и выступают крепкие светские или умеренно исламистские режимы, даже если ни те ни другие не особенно нам нравятся. Лучше они, чем радикальные террористы, поскольку следует помнить: при ослаблении государственной власти исламизм, в том числе радикальный, очень быстро распространяет на «бесхозные» территории свои порядки.

Литература

Алаев, Л. Б. 2008. Индусско-мусульманский конфликт в Индии. В: Воскресенский, А. Д., (ред.), *Конфликты на Востоке: Этнические и конфессиональные*. М.: Аспект Пресс. С. 347–371.

Белокреницкий, В. Я. 2008. Этнорегиональные и религиозно-сектантские конфликты в Пакистане. В: Воскресенский, А. Д., (ред.), *Конфликты на Востоке: Этнические и конфессиональные*. М.: Аспект Пресс. С. 326–346.

Гринин, Л. Е.

2012. Арабская весна и реконфигурация Мир-Системы. В: Коротаяев, А. В., Зинькина, Ю. В., Ходунов, А. С. (ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года*. М.: ЛКИ. С. 188–223.

2016. Мировой порядок, Арабская весна и наступающий период глобальной турбулентности. В: Гринин, Л. Е., Коротаяев, А. В., Исаев, Л. М., Мещерина, К. В. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна в глобальном контексте*. Волгоград: Учитель. С. 191–239.

2017. Российская революция в свете теории модернизации. *История и современность* 2: 22–57.

Гринин, Л. Е., Исаев, Л. М., Коротаяев, А. В. 2016. *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. 2-е изд. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». 384 с.

Гринин, Л. Е., Коротаяев, А. В.

2016а. *Ближний Восток, Индия и Китай в глобализационных процессах*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». 496 с.

2016б. Революции как особая стадия развития общества и Арабская весна. В: Гринин, Л. Е., Коротаяев, А. В., Исаев, Л. М., Мещерина, К. В. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна в глобальном контексте*. Волгоград: Учитель. С. 157–190.

Десилвер, Д., Мэсильв, Д. 2017. Ислам в мире распространен шире, чем вы думаете. *ИноСМИ* 2 февраля. URL: <https://inosmi.ru/social/20170202/238650227.html>.

Джаноби, М. М. 2015. Политическая идея современного исламоцентризма (Философско-культурологический анализ). В: Саватеев, А. Д., Кисриев, Э. Ф. (отв. ред.), *Исламские радикальные движения на политической карте современного мира*. Т. 1. *Страны Северной и Северо-Восточной Африки*. М.: Ленанд. С. 42–96.

Законы шариата вступили в силу в Брунее. 2019. *Российская газета* 3 апреля. URL: <https://rg.ru/2019/04/03/zakony-shariata-vstupaiut-v-silu-v-brunee.html>.

Игнатенко, А.

2004. *Ислам и политика*. М.: Ин-т религии и политики. 256 с.

2009. Эпистемология исламского радикализма. В: Малащенко, А., Филатов, С. (ред.), *Религия и глобализация на просторах Евразии*. 2-е изд. М.: РОССПЭН; Моск. Центр Карнеги. С. 175–221.

Йылдызоглу, Э. 2014. Когда рухнет порядок на Ближнем Востоке. *ИноСМИ* 25 ноября. URL: <https://inosmi.ru/asia/20141125/224493037.html>.

Клюев, Б. И. 2002. *Религия и конфликт в Индии*. М.: ИВ РАН. 236 с.

Коротаев, А. В., Гринин, Л. Е.

2016. Дивергенция и конвергенция в мировой экономике. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Гринберг, Р. С. (ред.), *Кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». С. 175–225.

2017. Дивергенция и конвергенция в мировой экономике. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Бондаренко, В. М. (ред.), *Н. Д. Кондратьев: кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн. Взгляд из современности*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». С. 252–308.

Коротаев, А. В., Гринин, Л. Е., Божевольнов, Ю. В., Зинькина, Ю. В., Малков, С. Ю. 2011. Ловушка на выходе из ловушки. В: Акаев, А. А., Коротаев, А. В., Малинецкий, Г. Г., Малков, С. Ю. (ред.), *Логические и математические модели. Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы*. М.: Красанд/URSS. С. 138–164.

Кузнецов, В., Салем, В. 2016. Безальтернативная хрупкость: судьба государства – нацизм в арабском мире. В: Лукьянов, Ф. А. (сост.), *Гроза с Востока. Как ответит мир на вызов ИГИЛ?* М.: Эксмо. 320 с.

Ланда, Р. Г., Саватеев, А. Д. 2015. Политический ислам в странах Северной Африки. В: Саватеев, А. Д., Кисриев, Э. Ф. (отв. ред.), *Исламские радикальные движения на политической карте современного мира*. Т. 1. *Страны Северной и Северо-Восточной Африки*. М.: Ленанд. С. 126–180.

- Левин, З. И. 2014. *Очерки природы исламизма*. М.: ИВ РАН. 126 с.
- Малашенко, А. В. 2015. Исламизм как долгосрочный фактор глобальной политики. В: Саватеев, А. Д., Кисриев, Э. Ф. (отв. ред.), *Исламские радикальные движения на политической карте современного мира*. Т. 1. *Страны Северной и Северо-Восточной Африки*. М.: Ленанд. С. 97–126.
- Мирский, Г. И. 2015. Радикальный исламизм: идейно-политическая мотивация и влияние на мировое мусульманское сообщество. *Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай», Москва, июль 2015*. URL: <https://ru.valdaiclub.com>.
- Полонская, Л. Р. 1991. Религия в политической культуре Индии. В: Ключев, Б. И., Литман, А. Д. (отв. ред.), *Индия: религия в политике и общественном сознании*. М.: Наука. С. 5–42.
- Хантингтон, С. 2003. *Столкновение цивилизаций*. М.: АСТ. 603 с.
- Царегородцева, И. А. 2017. Исламский активизм: основные этапы развития идеологии. В: Саватеев, А. Д., Нефляшева, Н. А., Кисриев, Э. Ф. (ред.), *Исламские радикальные движения на политической карте современного мира*. Т. 2. *Северный и Южный Кавказ*. М.: Ин-т Африки РАН. С. 93–111.
- Юрлова, Е. С. 2007. Индия: мусульмане и мусульманки. Проблемы религиозного меньшинства в многоконфессиональном обществе. *Азия и Африка сегодня* 10: 124–131.
- Achilov, D., Sen, S. 2017. Got Political Islam? Are Politically Moderate Muslims Really Different from Radicals? *International Political Science Review* 38(5): 608–624. DOI: <https://doi.org/10.1177/0192512116641940>.
- Calvert, J. 2010. *Sayyid Qutb and the Origins of Radical Islamism*. New York, NY: Columbia University Press. 377 pp.
- Dawisha, A. 2016. *Arab Nationalism in the Twentieth Century: from Triumph to Despair*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 368 pp.
- Dennis, A. J. 1996. *The Rise of the Islamic Empire and the Threat to the West*. Ohio: Wyndham Hall Press. 156 pp.
- Escobar, P. 2017. Jihad 2.0: the Making of the Next Nightmare. URL: <https://sputniknews.com/columnists/201705311054159721-jihad-balkans-next-nightmare>.
- Geertz, C. 1971. *Islam Observed. Religious Development in Morocco and Indonesia*. Chicago, IL: The University of Chicago Press, Phoenix Edition. 144 pp.

Goldschmidt, A. 2004. *Modern Egypt. The Formation of a Nation-State*. Boulder, CO: Westview. 242 pp.

Grinin, L., Korotayev, A. 2015. *Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective*. New York, NY: Springer. 251 pp.

Grinin, L., Korotayev, A., Tausch, A. 2018. *Islamism, Arab Spring and Democracy: World System and World Values Perspectives*. Dordrecht – Heidelberg; New York, NY: Springer. 364 pp.

Hooper, I. 2015. *CAIR Welcomes AP Stylebook Revision of Islamist*. Council on American-Islamic Relations Press Release (March 11). Washington, DC: CAIR. URL: <https://www.cair.com/press-center/press-releases/11808-cair-welcomes-ap-stylebook-revision-of-islamist.html>.

Husaini, I. M. 1956. *The Moslem Brethren*. Beirut: Khayat's College Book Cooperative. 186 pp.

Jalal, A. 1994. *The Sole Spokesman: Jinnah, the Muslim League, and the Demand for Pakistan*. Cambridge; New York: Cambridge University Press. 334 pp.

Kaplan, D. E. 2003. The Saudi Connection: How Billions in Oil Money Spawed a Global Terror Network. *U.S. News and World Report* December 15.

Keddie, N. R. 1972. *Sayyid Jamal ad-Din al-Afghani: A Political Biography*. Berkeley, CA: University of California Press. 479 pp.

Kepel, G. 2000. *Jihad. Expansion et déclin de l'islamisme*. Paris: Galimard. 452 pp.

Khalidi, R. (Ed.) 1991. *The Origins of Arab Nationalism*. New York, NY: Columbia University Press. 325 pp.

Khan, A. R. 2007. All-India Muhammadan Educational Conference and the Foundation of the All-India Muslim League. *Journal of the Pakistan Historical Society* 55(1/2): 65–83.

Lia, B. 2006. *The Society of the Muslim Brothers in Egypt: The Rise of an Islamic Mass Movement 1928–1942*. Reading: Ithaca Press. 272 pp.

Linjakumpu, A. 2008. *Political Islam in the Global World*. Reading: Ithaca Press. 176 pp.

Mitchell, R. P. 1993. *The Society of the Muslim Brothers*. New York, NY: Oxford University Press. 392 pp.

Muddassir Quamar. 2017. The Turkish Referendum, 2017. *Contemporary Review of the Middle East* 4(3): 319–327.

Mura, A. 2012. A Genealogical Inquiry into Early Islamism: the Discourse of Hasan al-Banna. *Journal of Political Ideologies* 17(1): 61–85.

Osman, T. 2016. *Islamism: What it Means for the Middle East and the World*. New Haven, CT: Yale University Press. 328 pp.

Pew Research Center. 2011. *Future of the Global Muslim Population*. Washington, DC: Pews Research Center. URL: <http://www.pewforum.org/2011/01/27/future-of-the-global-muslim-population-sunni-and-shia/>.

Pipes, D.

1995. The Western Mind of Radical Islam. *First Things* December. URL: <http://www.danielpipes.org/273/the-western-mind-of-radical-islam>.

2003. The Saudi Connection: How Billions in Oil Money Spawned a Global Terror Network. URL: <http://www.danielpipes.org/blog/2003/12/the-saudi-connection-how-billions-in-oil>.

Poljarevic, E. 2015. Islamism. In El-Din Shahin, E. (ed.), *The Oxford Encyclopedia of Islam and Politics*. Oxford: Oxford Islamic Studies. URL: <http://0-www.oxfordislamicstudies.com.mylibrary.qu.edu.qa/article/opr/t342/e0252>.

Roy, O. 1994. *The Failure of Political Islam*. Cambridge: Harvard University Press. 256 pp.

Sayyid, B. S. 1997. *A Fundamental Fear: Eurocentrism and Emergence of Islamism*. London; New York, NY: Zed Books Ltd. 212 pp.

Scheuer, M.

2004. *Imperial Hubris: Why the West is Losing the War on Terror*. Washington, DC: Brassey's Inc. 352 pp.

2008. *Towards Hell: America and Islam after Iraq*. New York, NY: Free Press, Simon & Schuster. 288 pp.

2011. *Osama Bin Laden*. Oxford: Oxford University Press. 304 pp.

Tibi, B. 1997. *Arab Nationalism: between Islam and the Nation-state*. New York, NY: Springer. 365 pp.

UN Population Division. 2017. *UN Population Division Database*. URL: <http://www.un.org/esa/population>.

Wolpert, S. 2013. *Jinnah of Pakistan*. Karachi. 421 pp.

Yapp, M. E. 2004. Islam and Islamism. *Middle Eastern Studies* 40(2): 161–182.